

Love story

Виктория Лайт

Две сестры

Виктория Лайт Две сестры

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606545
Две сестры: ИД «Панорама»; Москва; 2005
ISBN 5-7024-1845-X*

Аннотация

Известный дублинский журналист Морим Шеннон в ярости! Мало того, что ему дали такое нелепое задание – взять интервью у приезжей французской актрисы! Вдобавок, эта Флер Конде играет с ним в кошки-мышки, соглашаясь на свидания, но исчезая в последний момент, то показывая на миг свое прелестное лицо и дразня журналиста обворожительным голосом и томным взглядом, то подсовывая вместо себя сводную сестру Фрэнсис... Впрочем, неотразимый Шеннон убежден, что ему все же удастся раскрыть ее тайны...

Содержание

1	4
2	9
3	14
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктория Лайт

Две сестры

1

Посвистывая и помахивая светло-коричневым кожаным портфелем, по центральной лестнице редакции известной дублинской еженедельной газеты Даблин Ньюсуик поднимался молодой мужчина на вид не старше тридцати – тридцати двух лет. В том, что это был Морис Шеннон, ведущий журналист этого издания, не было никакого сомнения – только он мог позволить себе опоздать на целый час.

Морис весело кивал сотрудникам, сновавшим по лестнице, пожимал руки мужчинам, подмигивал женщинам. Последние очень оживлялись, завидев издали его темную волнистую шевелюру – Морис считался красавчиком, душкой и весьма завидным женихом. Но он, отвечая улыбкой на все женские авансы, с неизменной ловкостью сохранял свой статус холостяка.

Это был высокий привлекательный мужчина с пронзительными серыми глазами и темными волосами, что, впрочем, не такая редкость для ирландца. Можно было поспорить относительно того, заслуживает ли Морис Шеннон, чтобы его называли красивым, но для слабого пола этот вопрос был решен раз и навсегда. Даже в самих недостатках его внешности – широких скулах, тяжеловатом подбородке, крупном носе с горбинкой – женщины находили своеобразное очарование.

Морис дошел до своего этажа. Настроение у него было превосходное, как и всегда, когда он заканчивал работу над очередной статьей и чувствовал, что она удалась. Он заглянул в большой зал, где за разделенными непрозрачными перегородками столами трудились его коллеги. Где-то в глубине этого муравейника было и его рабочее место, и Морис ощутил прилив сил. Может быть, сегодня он получит новое захватывающее задание и напишет еще одну хорошую статью...

Некоторые не без основания считали, что Морис Шеннон слишком много о себе думает. Но сама жизнь доказывала, что он имеет на это полное право – Морис славился именно тем, что любую скучную тему мог обыграть так, что Даблин Ньюсуик вмиг раскупалась только из-за его статьи.

– Шеннон, у тебя готов материал о боянях? – кто-то бесцеремонно постучал Мориса по плечу.

Даже не оборачиваясь, Морис знал, что это О’Брайен, отвечающий за подборку материалов каждого выпуска. Это был маленький бледный человечек, измученный постоянной борьбой с журналистами, рекламщиками, читателями и целым миром.

– Почти, – широко улыбнулся Морис, предвкушая реакцию О’Брайена.

Тот закатил глаза.

– Ты понимаешь, что времени не осталось? – прошептал он трагически.

– К обеду статья будет лежать у тебя на столе, – заверил его Морис. – В крайнем случае, вечером.

– Ты обещал мне это три дня назад, – плаксиво произнес О’Брайен.

– Сегодня точно, – вздохнул Морис. – Прости, мне пора. Меня зовет Люси...

Стоя у входа, Морис умудрился разглядеть, что мисс Стивенс призывно машет ему рукой со своего почетного места у массивной двери кабинета высокого начальства. Люси Стивенс была секретарем владельца газеты и одновременно главного редактора.

– Морис, загляни к мистеру Робберу, пожалуйста, – нежным голоском произнесла Люси, как только Шеннон подошел к ней.

– Зачем? – искренне удивился он.

За последние четыре месяца его ни разу не вызывал к себе Джейкоб П. Роббер, гроза всех молодых сотрудников их газеты. Да и до этого его подчинение Робберу носило скорее формальный характер. Морису Шеннону он не осмеливался диктовать свои условия...

– Не знаю, – пожала плечами Люси.

Это была невысокая хорошенькая девушка с большим гладким лбом, старательно зачесанными назад светлыми волосами и наивными большими голубыми глазами. Она совсем недавно работала в Даблин Ньюсуик и еще не очень хорошо разбиралась в хитросплетениях взаимоотношений между сотрудниками.

– Но он очень настаивал, – поспешила добавить она, видя, что Морис не торопится.

– У меня и так дел по горло, – буркнул Шеннон. – Статья про бойни еще не закончена. Знаешь, что мне О’Брайен сделает, если я не сдам ее к сегодняшнему выпуску?

Люси тихонько вздохнула. Она была всего лишь секретарем и просто передавала информацию, и ей было непонятно, как Морис Шеннон, рядовой журналист, пусть даже известный и талантливый, осмеливается не подчиниться указанию владельца газеты.

– Морис, не спорь, – назидательно произнесла она и шутливо погрозила ему пальчиком.

Морис ухмыльнулся. Три месяца назад, когда Люси впервые появилась в их газете, она боялась на него глаза поднять, а сейчас уже пытается управлять им и читать нравоучения!

Женщины, философски подумал он.

– Ладно. Старик у себя?

Люси кивнула, явно покоробленная непочтительным обращением Мориса со святой святых – их шефом. Но Морис уже прошел мимо, небрежно толкнув тяжелую дверь из красного дерева. Помпезная черно-золотая табличка торжественно оповещала всякого, что здесь находится кабинет Джейкоба П. Роббера, владельца Даблин Ньюсуик.

Человек, вызывавший у молоденькой секретарши столь трепетное благоговение, не отличался ни молодостью, ни красотой, ни здоровьем. Роста он был маленького, телосложения рыхлого и неспортивного. Ему не было еще и пятидесяти лет, но все его подчиненные за глаза называли его «Старик».

– Добрый день, Шеннон.

Маленькие глазки-буравчики холодно оглядели Мориса с ног до головы. Морис кивнул в ответ. Он представлял себе, как подобные взгляды могут действовать на неопытных людей, которые впервые сталкивались с Джейкобом П. Роббером. Однако на него самого никакого влияния это не оказывало. Он знал, что является лучшим журналистом в городе, и может позволить себе разговаривать с Джейкобом П. Роббером на равных. Статьи за подписью Мориса Шеннона гарантировали стопроцентную раскупаемость любого номера, и с этим приходилось считаться всем.

– Присаживайтесь.

Морис небрежно опустился в кожаное кресло напротив стола Роббера. Он знал, что шефа раздражает подобная манера поведения, но не мог удержаться от соблазна немного подразнить старого скупердя. Джейкоб П. Роббер обладал великолепным деловым чутьем и очень много сделал для процветания газеты. Это признавали все. Однако его жадность вошла в пословицу. Морис был одним из немногих, кому прощалось почти все, и он никогда не упускал возможности воспользоваться этим.

– У меня для вас есть задание, Шеннон, – сказал Роббер медленно, смакуя каждое слово. – Надеюсь, что вы сможете его выполнить.

Щека Мориса нервно дернулась. Он никому не позволял сомневаться в своем профессионализме, а уж Джейкобу П. Робберу в первую очередь.

– У вас есть повод для сомнения? – он немедленно ринулся в атаку.

Роббер покачал головой. Видит Бог, он не питает ни капли неприязни к этому милому молодому человеку, но порой тот переходит все мыслимые границы.

– Я просто хотел сказать, что за последние пять лет никому не удавалось сделать то, о чем я сейчас вас попрошу...

Морис выпрямился. Это было по нему. Задания, с которыми не справлялись другие, были вполне в духе Мориса Шеннона. До сих пор он не провалил ни одного поручения, каким бы сложным и щекотливым оно не было. Кто раскопал скандал со злоупотреблениями в городском казначействе? Кто не побоялся бросить вызов влиятельному комиссару полиции и заняться расследованием странных пропаж из Музея Искусств? А ведь все это было на заре его карьеры, когда Морис был всего лишь желторотым юнцом, впервые подвизавшимся на журналистском поприще.

Сейчас ничего в Дублине не могло укрыться от его пронизывающего взгляда. Если Морис Шеннон брался за дело, то читатели могли быть уверены, что им будет предоставлен детальный и правдивый отчет, щедро сдобренный юмористическими комментариями и язвительными замечаниями, в зависимости от предмета обсуждения. Его статьи узнавали по оригинальному стилю и смелости суждений. Многие дублинские газеты и журналы хотели бы иметь Шеннона хотя бы внештатным сотрудником. Однако Морис оставался верен Даблин Ньюсуик, памятуя о том времени, когда его, еще никому не известного журналиста, благодетельствовал тогдашний главный редактор.

Хотя, конечно, сейчас все было не так уж гладко. Джейкоб П. Роббер был человеком властным, даже скорее тираническим, и терпеть не мог инакомыслящих. Его раздражало вольное поведение Шеннона, его свободолюбие и независимость. Но будучи умным и расчетливым дельцом, Роббер прекрасно понимал, что обойтись без Мориса Шеннона Даблин Ньюсуик пока не может...

– В чем суть задания? – спросил Морис небрежно, маскируя заинтересованность равнодушным тоном. Не годится показывать старику, что его тон задевает за живое.

Роббер не отвечал, по-прежнему пристально разглядывая Шеннона. Он ощущал холодный азарт. Сейчас он откроет рот, и Морис начнет возмущаться, рассуждать о своей тематике и принципах. Его задачей будет переубедить строптивого журналиста. Не приказать, нет, упаси Бог, а именно переубедить...

Роббер задумчиво пожевал губами, потом полез в карман за толстой коричневой сигарой, но, вспомнив, что решил бросить курить, положил руку обратно на стол.

– Из надежных источников мне стало известно, что в Дублине сейчас проживает Флер Конде, – медленно произнес он. – Надеюсь, вы слышали о ней.

Морис хмыкнул.

– Всю прошлую неделю я не вылезал с дублинских боен, – подчеркнуто учтиво ответил он. – Времени интересоваться светской хроникой у меня не было.

Роббер проглотил это. Лишь нахмуренные брови показывали, что нахальный ответ строптивого журналиста пришелся ему не по вкусу.

– Флер Конде – известная в прошлом французская театральная актриса, – монотонно продолжал он. – Но сюда она приехала как частное лицо. Об этом никто не знает. Я хочу, чтобы вы встретились с ней и взяли у нее интервью. Выпытали, зачем она здесь, что ей надо в Ирландии, каковы ее планы и так далее.

Изумление Мориса было безгранично. Резкие слова так и просились на язык, но он сдерживал себя. Вначале надо выяснить, что стоит за этим заданием. Джейкоб П. Роббер слишком умен, чтобы не понимать, что послать к какой-то там актриске можно любого рядового сотрудника газеты. У Мориса Шеннона есть дела и поважнее.

– Адрес мадемуазель Конде и всю необходимую информацию вы получите у мисс Стивенс, – говорил тем временем Роббер, от души забавляясь реакцией Мориса. Шеннон сбит с толку, в этом нет никакого сомнения, и лихорадочно пытается сообразить, что это все означает. Когда же он начнет возмущаться?

И возмущение не замедлило последовать.

– Послушайте, Роббер, – несколько бесцеремонно прервал его Морис, когда он принялся перечислять газеты, в которых можно найти что-то про Флер Конде. – Я не понимаю одного. Кажется, светской колонкой у нас занимаются Терри Ллойд и Диана. Любой из них был бы счастлив, если бы вы обратились к ним.

– А я обращаюсь к вам.

Взгляд Роббера был холоден и непроницаем. Он явно не собирался пускаться в объяснения своих поступков. Пусть Шеннон не обычный сотрудник, но он пока работает на Даблин Ньюсуик, так что пусть подчиняется, а не задает дурацкие вопросы!

– Это не моя тема, – отрезал Морис. – Таскаться по знаменитостям прерогатива Теренса. У меня и без этого слишком много дел!

– Вам придется их отложить, – более мягко произнес Роббер.

Он видел, что несколько перегнул палку. Шеннон был способен выскочить из кабинета и никогда больше не переступить порога Даблин Ньюсуик. Конкуренты будут этому только рады.

– Морис, почему вы не спрашиваете, зачем я поручаю это вам? Могли бы начать с этого, а не кричать и возмущаться. – Роббер откинулся назад в кресле и сплел толстые пальцы. – Если говорить без обиняков, вы лучший наш сотрудник. За все десять лет работы в Даблин Ньюсуик вы блестяще справлялись со всеми заданиями. Я ценю и глубоко уважаю вас не меньше, чем Чарльз Паррингтон, бывший главный редактор.

Морис насторожился. Если эта лиса Роббер принялся рассуждать о его достоинствах, значит, жди беды.

– Не думайте, что я посылаю вас к заурядной актрисе. Флер Конде – весьма известная личность, и если бы вы больше интересовались культурой, чем политикой и экономикой, вы бы...

– Вот и отправляйте Терри, – буркнул Шеннон. – Он у нас специалист в этом деле.

– Флер Конде не дает никому интервью последние пять лет. Кажется, я уже упоминал о сложности этого задания? – Роббер наконец выложил свой последний козырь. – Вся ее жизнь окружена завесой тайны. Читатели будут в восторге, если вам удастся приоткрыть ее...

Джейкоб П. Роббер чуть прикрыл глаза, не переставая наблюдать за Морисом. На лице Шеннона возмущение явно боролось с интересом, причем последний, кажется, одерживал победу. Что ж, в этом можно было и не сомневаться.

– Значит, вы полагаете, что я смогу ее расколоть? – с сомнением спросил Шеннон. Если посмотреть на дело с этой стороны, то оно не казалось уж таким бессмысленным и недостойным.

– Я не полагаю, – покачал головой Роббер. – Я знаю.

Морис чуть покраснел. Он легко переходил от гнева к смущению, от отчаяния к радости. При всей своей неприязни к Робберу, он не мог не уважать его и не считаться с его мнением. Похвала такого человека была особенно приятна.

– А что же мне делать с бойней? – вспомнил он с вызовом, но Роббер чувствовал, что выиграл. Главным было заинтересовать Шеннона, остальное – пустяки.

– Неужели вы не закончите за сегодня? – с легким презрением произнес он. – Поработайте чуть подольше, а завтра с утра снова в бой. Думается мне, что мадемуазель Конде – крепкий орешек, и вы разочарованы не будете. Люси расскажет вам все, что о ней знает.

– Люси – большой специалист? – Шеннон насмешливо фыркнул.

– Да, – флегматично ответил Роббер. – Она увлекается искусством.

– Ну если дешевый кинематограф считать искусством... – протянул Морис, и они с Роббером понимающе переглянулись. Увлечение Люси волшебным миром кино являлось постоянным поводом к подшучиванию для всех сотрудников Даблин Ньюсуик.

– Тем не менее, она вам поможет, – строго произнес Роббер, досадуя, что поддался на уловку Мориса. Обаяние этого мальчишки поистине не знает границ. Стоит ему захотеть, и любое ледяное сердце растает. Пусть теперь испробует свои чары на Флер Конде.

– Хорошо, – беззаботно ответил Морис, вставая. – Но только я начну завтра, сегодня мне надо закончить статью. Я и так отстаю на три дня, О’Брайен в ярости...

– Отлично. – Джейкоб П. Роббер позволил себе улыбнуться.

Он не ожидал, что Шеннон сдастся так быстро, но, видимо, он недооценил его любопытство и любовь ко всяческим вызовам. На будущее надо это учесть...

– Не смею вас больше задерживать, Шеннон.

С видимым облегчением Морис поднялся. Лишняя минута в обществе Джейкоба П. Роббера засчитывалась за день каторжных работ.

– У вас еще будут какие-нибудь поручения? – небрежно спросил он. – Думаю, что завтра – послезавтра я разберусь с этой актрисой...

Глаза Роббера лукаво блеснули.

– Если вы *справитесь* с этим заданием, то потом можете заняться, чем хотите.

Морис гордо вздернул голову. Он был чрезвычайно чувствителен к различным оттенкам голоса, и насмешка Роббера попала в цель.

– Благодарю вас, мистер Роббер, – сухо процедил он и немедленно вышел.

Джейкоб П. Роббер с внезапной ностальгией смотрел ему вслед. Хорошо быть молодым, красивым, самоуверенным. Рваться вперед и покорять все новые вершины. Сам он никогда таким не был, даже когда жизнь только начиналась. Не зря все девчонки Даблин Ньюсуик без ума от этого парня...

Роббер подавил невольный вздох. Ничего, посмотрим, во что он превратится через двадцать лет, когда восхищенные женские взгляды перестанут сопровождать его повсюду, а парочка крупных неудач заставят его сомневаться в собственных силах.

2

Флер Конде... Шеннон отбросил очередную пожелтевшую газетку и тоскливым взглядом окинул гору других, возвышавшуюся перед ним. Похоже, пять лет назад ни о ком другом и не писали. Величайшая актриса современности! Изумительный дар, ангел, сошедший с небес! Его собственному стилю была чужда любая вычурность, поэтому восторженные эпитеты его собратьев по перу не могли не действовать ему на нервы. Он пытался отбросить восхваления и вычитать нечто конкретное об этой загадочной даме, но дело продвигалось с трудом. Дальше догадок и вымыслов дело не шло, и Морис отнюдь не был уверен, что этой информации можно доверять. Перелопатив кучу газет, он решил больше не утомлять себя, а побеседовать с теми, кто был гораздо лучше его осведомлен по этому вопросу...

– Люси, дорогая, Роббер сказал, что я могу у тебя проконсультироваться, – проникновенно сказал он, подойдя к ее столу.

Люси оторвала глаза от свежего выпуска Даблин Ньюсуик и невольно залилась краской. Ах, этот Шеннон... Когда он говорил с ней таким тоном, она не знала, куда деваться от смущения.

– Конечно, Морис, я всецело в твоём распоряжении, – произнесла она, заикаясь и слишком поздно понимая, что ее слова прозвучали весьма двусмысленно.

Но Морис был далек от заигрывания, поэтому он преспокойно уселся на краешек стола и принялся выпрашивать у Люси о Флер Конде.

– Она прекрасная актриса, – убежденно сказала Люси, чувствуя и радость, и разочарование из-за того, что Морис обращается к ней по рабочему вопросу.

– Я читал об этом, – ответил он с некоторым раздражением. И у Люси одни эмоции, мелькнуло у него в голове. – С чего ты взяла, что она прекрасная актриса? Разве она снимается в кино, и ты видела ее на экране?

– Н-нет.

– Ты ездила в Париж, чтобы посмотреть ее спектакль? – продолжал он язвительный вопрос.

– Н-нет.

– Так почему же ты твердишь, что она прекрасная актриса? – резко проговорил Морис, чувствуя, как в нем вскипает раздражение.

– В газетах пишут. – Люси была немного напугана. С Шенноном никогда не знаешь, как себя вести и что от него ожидать. Он меняется каждую секунду!

Морис вздохнул. И почему женщины несут порой такую чушь?

– Ты веришь всему, что пишут в газетах? Разве можно быть такой наивной? – спросил он более спокойно. В конце концов, бедняжка Люси ни в чем не виновата, не стоит нагнетать обстановку.

– Там же не будут врать, – с достоинством ответила она. – Даблин Ньюсуик, например, печатает только достоверную, проверенную информацию.

Морис подавил улыбку, гораздо лучше зная о качестве этой достоверности.

– Ладно, – покорно согласился он. – Как скажешь, дорогая. Тогда перечисли мне все известные факты из жизни Флер Конде, и не распространяйся, пожалуйста, о том, что она ангел или гений.

– Хорошо, – Люси надула губки. – Флер очень известна, но сейчас она почти не играет в театре. Последнее время о ней вообще ничего не было слышно...

– И тем не менее, ее не забыли? – уточнил Морис. – Публика обычно не отличается хорошей памятью.

– Имя Флер до сих пор не сходит со страниц светской хроники, – пояснила Люси. – Она была замужем четыре раза, и ее последний супруг настоящий шотландский лорд!

Морис присвистнул.

– Тогда все ясно. Светская львица, вот кто такая твоя Флер Конде.

– И что в этом плохого? – возмутилась Люси. – Думаешь, перебирать бумажки в пыльной конторе лучше, чем менять мужей и раздавать автографы?

– Я не это имел в виду, – пробормотал Морис, понимая, что нечаянно наступил на больную мозоль. – Продолжай, пожалуйста.

Люси поджала губы. Конечно, когда ему что-то от нее надо, он сразу становится шелковым.

– Первым ее мужем был актер, они вместе начинали играть на сцене. Потом она ушла от него к режиссеру, а от режиссера – к банкиру.

– Неплохая коллекция, – присвистнул он. – Эта Флер, как я понимаю, заурядная охотница за большими деньгами. Обычная история.

– А вот и неправда! – воскликнула Люси торжествующе. На мгновение Морису показалось, что сейчас она высунет язычок в знак презрения и насмешки. – Флер никогда не гналась за деньгами. Она оставалась с мужчиной до тех пор, пока любила его, а потом, когда чувство уходило, они расставались!

– А ты-то откуда знаешь? – спросил Морис насмешливо. – Опять непогрешимые газеты?

– Так сама Флер говорила, – обиделась Люси. – Я читала... вот, посмотри.

Она порылась в столе и протянула Морису новую тонкую газетку.

– Оказывается, я не все тебе отдала, – удивленно произнесла она. – Как раз здесь то интервью, о котором я тебе рассказывала.

– Погоди. – Морис поморщился при виде очередной статьи. – Я обязательно прочитаю это... попозже. Лучше скажи мне, сколько, по-твоему, этой дамочке лет? И почему она прекратила общаться с прессой? Люди такого сорта гоняются за известностью, а не скрываются от нее.

– Точно никто ничего не знает. Говорят, что у нее что-то в семье произошло, и она ушла со сцены. Ты же должен был прочитать об этом.

Люси кивнула в сторону газет на столе Мориса.

– Я надеялся, что ты сообщишь мне нечто более существенное, – сказал он с кислой миной. – Вымыслы газетчиков меня мало интересуют. Кстати, я так и не понял, сколько ей лет?

– Если мне девятнадцать, то ей... – нахмурилась Люси, с трудом подсчитывая про себя. – Никак не меньше тридцати. Где-то тридцать один или два.

– Прыткая дамочка, – улыбнулся Морис. – Тридцать лет и четыре мужа. А я то ни капли не сомневался, что ей не меньше шестидесяти.

– Очень смешно, – огрызнулась Люси. – Побереги свое остроумие для более удачных случаев!

В такие минуты она была готова растерзать Шеннона.

– Не сердись.

Морис протянул руку и потрепал девушку по подбородку.

Люси моментально растаяла.

– Знаешь, Морис, будет изумительно, если у тебя получится взять у нее интервью. Ведь Флер не общается с журналистами так давно! А ты будешь первым, и все об этом узнают...

В голубых глазах Люси светилось неприкрытое восхищение. Морис Шеннон казался ей пророком от журналистики, от пронизательного взгляда которого не укроется ни одна сенсация. Она представляла себе с замиранием сердца, как он рыщет по городу в поисках

острой темы, рискует собой, вступает в контакт с подонками общества, лишь бы добыть стоящую информацию для Даблин Ньюсуик.

– Ах, Морис, мистер Роббер не зря поручил это дело именно тебе!

– Вот оно.

Морис щелкнул пальцами. В то время, как Люси пожирала его восхищенным взглядом, он пытался вспомнить, что еще он хотел у нее выяснить.

– Люси, ты случайно не знаешь, почему старик вдруг заинтересовался этой актриской?

– Мистер Роббер не посвящает меня в свои замысли, – сухо ответила Люси, оскорбленная в своих лучших чувствах. Для этого человека нет ничего святого! «Пари Реситаль» назвала Флер лучшей актрисой десятилетия, а этому источнику доверять можно!

– А если подумать? – настаивал Морис. – Ты же в курсе многого, Люси. Ничто не проходит мимо тебя.

На самом деле мисс Стивенс говорила сущую правду – Джейкоб П. Роббер предпочитал не посвящать ее в дела, ограничиваясь лишь поверхностными указаниями. Все об этом знали, но Морис рассчитывал польстить ее самолюбию и выпытать что-нибудь стоящее. Вдруг она ненароком услышала что-то важное...

– Он просто вызвал меня и сказал, чтобы я собрала как можно больше информации о Флер Конде, – простодушно пояснила Люси. – Упомянул, что поручит тебе взять у нее интервью.

Она беспомощно пожала плечами, давая понять, что ее осведомленность на этом заканчивается.

– Понятно, – вздохнул Морис. – Спасибо, Люси. Если мне понадобится что-нибудь еще, я буду знать, что мне обязательно надо обратиться к тебе.

Люси зарделась. Интересно, что он имеет в виду под чем-нибудь еще? Она мечтательно подперла подбородок рукой и принялась размышлять на эту весьма приятную тему. О Морисе Шенноне грезил все сотрудницы Даблин Ньюсуик моложе сорока пяти лет.

И зачем только Роббер держит секретаря, который ничего не знает? – с раздражением думал Морис, возвращаясь к своему столу, заваленному статьями о французской актрисе. Люси, бесспорно, славная девушка, но не мешало бы ей быть посообразительней...

Морис Шеннон, конечно, не находился в неведении относительно чувств, которые испытывала к нему прекрасная половина Даблин Ньюсуик, но и не был склонен придавать им слишком большое значение.

Морис родился тридцать четыре года назад в пригороде Дублина в семье ревностных католиков-ирландцев. Он с детства отличался живостью нрава и пытливостью ума, и все попытки родителей воспитать из него воинствующего католика были с самого начала обречены на провал. Морис слишком интересовался жизнью и людьми, чтобы ограничить себя набором догм. Родителей очень огорчал беспокойный характер сына, но в целом Морис не вызывал нареканий. Он хорошо учился в школе, помогал матери с младшими братьями и сестрами, и Шенноны надеялись, что он со временем остепенится, возьмется за ум, пойдет по стопам отца и будет работать в какой-нибудь приличной адвокатской конторе нотариусом.

Решение Мориса стать журналистом было воспринято в штыки. Профессия эта считалась в их кругах малопочтенной и низкодоходной, но Морис упорно стоял на своем. Он будет заниматься только этим делом и никаким другим. Шенноны наконец сдались, но Морису пришлось пережить еще немало унижений и насмешек со стороны родни, прежде чем он добился признания.

В возрасте двадцати четырех лет, уже имея за плечами кое-какой опыт работы и несколько интересных, хотя и спорных, статей, Морис впервые переступил порог Даблин

Ньюсуик. Ему отчаянно хотелось работать в каком-нибудь крупном издании, и Даблин Ньюсуик подходила ему не меньше, чем любая другая газета.

Морису повезло. Самоуверенный молодой человек заинтересовал главного редактора, и Шеннон был принят на работу внештатным сотрудником. Не прошло и трех месяцев, как Морис был зачислен в штат, и с тех пор судьбы Мориса Шеннона и одной из ведущих газет Ирландии Даблин Ньюсуик были неразрывно связаны.

Мистер Паррингтон, занимавший в то время пост главного редактора газеты, был одновременно ее оплотом, душой и совестью. Он проводил на работе двадцать четыре часа в сутки, ел там, спал там и даже женился на молоденькой стенографистке, которая каждое утро являлась в контору, чтобы перепечатывать его документы. Джейкоб П. Роббер, единоличный владелец газеты, хлопот не знал с мистером Паррингтоном. Под его руководством Даблин Ньюсуик стала одной из самых известных и читаемых газет города и приносила стабильную прибыль.

Морис Шеннон тоже сыграл свою роль в процветании газеты. Именно с его подачи Даблин Ньюсуик стала затрагивать острые социальные и политические темы, которые не всегда находили отклик в душах сильных мирах сего, но неизменно окупались интересом читателей.

Это были золотые деньки. Морис быстро становился знаменитым, его неоднократно пытались переманить конкуренты, но он оставался верен Даблин Ньюсуик и Чарльзу Паррингтону. Так продолжалось около шести лет, и Морис, который со свойственной ему беспечностью никогда не пытался загадывать на будущее, был уверен, что такое состояние вещей сохранится долго.

Но жизнь полна неожиданностей, на первый взгляд не связанных между собой, но способных повлиять на размеренный ход человеческого существования самым кардинальным образом. В тот год, когда Морис Шеннон праздновал свое тридцатилетие, мэром Дублина был выбран некто Кейси О'Шелли, непримечательный на вид человек, но обладающий серьезными связями в деловых кругах. И вольный тон Даблин Ньюсуик все сильнее раздражал влиятельных приятелей мистера О'Шелли. Джейкобу П. Робберу было сделано внушение. Ему аккуратно указали на то, что его газета в последнее время переходит все границы, что абсолютно неприемлемо в цивилизованном обществе. Роббер все понял с полуслова и не на шутку испугался. Гнев этих людей был чреват ужасными последствиями, и бизнесмен стал уделять Даблин Ньюсуик гораздо больше времени.

Чарльзу Паррингтону такое вмешательство понравиться не могло. Он обнаружил, что хозяин, который раньше смотрел сквозь пальцы на очень многое, стал чересчур внимателен даже к абсолютно безобидным материалам. Роббер требовал, чтобы с ним согласовывали каждую тему, и Паррингтону не составило большого труда догадаться, откуда ветер дует. Он пробовал сопротивляться. Но Джейкоб П. Роббер был непреклонен. Он вовсе не желал, чтобы Даблин Ньюсуик превращалась в оппозиционную газетку.

Кто-то должен был уступить. Джейкоб П. Роббер был моложе, упрямее и богаче, и Чарльз Паррингтон вскоре подал в отставку. На самом деле все знали, что владелец газеты фактически уволил его.

В то время многие сотрудники покинули Даблин Ньюсуик. В их числе был бы и Морис Шеннон, если бы не своевременное вмешательство Паррингтона. Он принимал проблемы Мориса близко к сердцу и всегда старался по возможности помогать ему. Именно Паррингтон посоветовал молодому человеку не горячиться.

— У Роббера есть голова на плечах, — с горечью признавал он неоднократно. — Не спеши, Морис. Не позволяй мелочной обиде взять вверх. Ты и Даблин Ньюсуик неразделимы, а я, наверное, стал слишком стар и не могу идти в ногу со временем...

Морис возмущался, спорил, но в конечном итоге послушался своего наставника и остался.

Первый год тесного сотрудничества Шеннона с Джейкобом П. Роббером был весьма бурным, но со временем они оба научились уступать. Роббер понял, что Шеннону свобода творчества нужна как воздух, а Морис согласился ставить его в известность относительно своих планов. И дело пошло.

Паррингтон оказался прав. Джейкоб П. Роббер постепенно превращался из чисто номинальной фигуры в настоящего владельца, железной рукой управляющего своими подчиненными. Газета процветала, но Морис Шеннон все равно с тоской вспоминал беззаботное удалое время, когда у руля стоял Чарльз Паррингтон...

Чарльз ни за что не отправил был меня брать интервью у актриски на отдыхе, ворчал Морис, пододвигая к себе телефонный аппарат. Он-то прекрасно умел распределять обязанности между всеми.

Морис разглядывал красный диск телефона, машинально отодвигая неприятный момент. Предварительная информация собрана, разведка проведена. Роббер сообщил ему, что Флер Конде остановилась в отеле Меррион, и что с главным портье существует договоренность. Если он сошлется в разговоре на владельца Даблин Ньюсуик, его беспрепятственно соединят с мадемуазель Конде, проживающей в гостинице под совершенно другим именем. Он сумеет убедить эту дамочку побеседовать с ним, возьмет у нее интервью, напишет стандартную статью и забудет об этом мерзком задании как о кошмарном сне. Так чего же он ждет?

3

– Отель Меррион, добрый день.

Морис явственно ощутил, как скулы его невидимой собеседницы сводит вышколенная улыбка.

– Добрый день. Я бы хотел побеседовать с мистером Дарэнхью, – сказал Морис, бросив беглый взгляд на бумажку с именем главного портье.

– Минуточку.

Вскоре в трубке раздался низкий мужской голос.

– Дарэнхью у телефона.

– Вас беспокоит Морис Шеннон от мистера Роббера, – представился Морис. – Я бы хотел переговорить с мисс Флер Конде.

Вот идиотское имя, мрачно добавил он про себя. Так и не знаю, правильно ли я ставлю ударение...

– Сейчас я соединю вас с ее номером, – без колебаний ответил Дарэнхью.

Морис невольно усмехнулся. Интересно, сколько Робберу пришлось отстегнуть, чтобы заставить этих людей раскрыть секрет француженки?

Один, два, три, четыре, пять. Гудки казались бесконечными. В обычной жизни Морис Шеннон не отличался терпением, и если бы он звонил своей сестре или матери, он давно бы в сердцах швырнул трубку. Но сейчас все было по-другому. На работе Морис преображался, и если будет надо, он готов просидеть так хоть весь день, терроризируя мадемуазель Конде бесконечными звонками. Посмотрим, у кого нервы крепче...

– Алло, – ответили на том конце провода.

Морис торжествующе улыбнулся. Всего лишь восемнадцать гудков. Сущие пустяки.

– Здравствуйте, – заговорил он с самими чарующими интонациями, на которые только были способны его связки. – Я имею честь беседовать с миссис Уолтергейм? Меня зовут Морис Шеннон и...

– Я не миссис Уолтергейм, – бесцеремонно прервали его. Женщина говорила на безупречном английском, и лишь изысканная правильность ее речи выдавала в ней иностранку.

– Простите, – извинился ничуть не обескураженный Морис.

Он не сомневался в том, что Флер Конде, зарегистрированная в отеле под именем миссис Уолтергейм, не сама поднимает телефонную трубку. Наверняка это горничная или секретарь. Актрисы любят путешествовать с толпой прислуги, а этот пронзительный грубоватый голос вряд ли может принадлежать звезде французской сцены!

– Что вам надо? – резко спросила женщина. – Миссис Уолтергейм отдыхает.

Значит, она здесь, обрадовался Морис. Что ж, не сегодня, так завтра, но я ее достану.

– Я представляю Дублинское Общество Любителей Древностей, – проникновенно выдохнул он, стараясь говорить вкрадчиво и волнующе. – До нас дошла информация, что миссис Уолтергейм интересуется старинными украшениями и обладает некоторыми весьма редкими экземплярами...

Эту легенду он выдумал только что. Морис вообще предпочитал действовать по наитию. Сколько раз он убеждался в том, что экспромт ему удастся гораздо лучше, чем любая тщательно продуманная версия.

– Экземплярами чего? Что вы такое говорите, молодой человек? – Судя по голосу, женщина была сбита с толку. Или ирландский акцент Мориса был слишком силен для ее иностранного уха?

– Драгоценностей, редких, древних украшений, – вежливо уточнил Морис.

Он так и представлял себе свою собеседницу. Скорее всего немолодая и не слишком сообразительная. Капризная актриса всюду таскает ее за собой, потому что она верная сторожевая собака, и на ее фоне так легко чувствовать собственное превосходство.

– Какое вам дело до драгоценностей миссис Уолтергейм? – подозрительно спросила женщина.

Морис выразительно поднял глаза к небу. Она еще глупее, чем он предполагал. Но трубку пока не бросила, это хороший знак. Значит, он на верном пути.

– Наше общество коллекционирует разные древности, вернее полезную информацию о них, поэтому мы всячески заинтересованы в пополнении нашей коллекции. Вы понимаете меня, миссис...

– Мисс Преджиде, – процедила женщина.

Я был прав, ухмыльнулся Морис. Типичная старая дева в услужении у более молодой, богатой и удачливой женщины. Тут любой характер испортится.

Он устроился в кресле поудобнее и принялся излагать мисс Преджиде подробности работы мифического общества любителей антиквариата. Он так и сыпал именами и цифрами, надеясь ошеломить бедняжку и произвести на нее впечатление. Более того, Морис слишком хорошо знал, что его глубокий голос, способный выразить в одном восклицании целую гамму чувств, неотразимо действует на прекрасный пол. Металлические нотки неискоренимого ирландского акцента придавали этому голосу дополнительное очарование. Никто не мог устоять, если Морис Шеннон действительно желал понравиться.

– Ах, вы так интересно рассказываете, – кокетливо сообщила ему очарованная мисс Преджиде, не ставшая исключением из общего правила. – Но я не уверена, что мадемуазель... миссис Уолтергейм захочет встретиться с вами... Она так нелюдима...

Пусть она хотя бы переговорит сейчас со мной, чуть не брякнул Морис. Разительная перемена, произошедшая с неприступной мисс Преджиде невероятно забавляла его и заставляла надеяться на то, что с мадемуазель Конде он тоже справится без труда.

– Я не сомневаюсь, что если вы передадите миссис Уолтергейм мою просьбу, то ей обязательно захочется заглянуть к нам. Думаю, вы сами не отказались бы составить ей компанию...

Морис замолчал, давая женщине возможность домыслить остальное самой. На несколько минут воцарилась интригующая тишина. Морис мог поклясться, что мисс Преджиде лихорадочно соображает, как бы ей убедить свою строптивую и нелюдимую хозяйку принять предложение галантного ирландца. Наверняка она уже умирает от желания увидеть этого мистера Шеннона воочию!

– Мистер Шеннон, вы знаете, миссис Уолтергейм уже проснулась и зовет меня. Я, наверное, попробую переговорить с ней прямо сейчас. В это время она обычно бывает в хорошем настроении.

– Я был бы вам чрезвычайно признателен, – проникновенно заговорил Морис. – Вы даже не представляете себе, насколько я...

Но удаляющиеся шаги показали ему, что мисс Преджиде уже находится вне зоны слышимости. Будем надеяться, что ей удастся убедить неприступную миссис Уолтергейм, подумал Морис. Он еще не решил, как заставит Флер раскрыть свое инкогнито и встретиться с ним, но пока это было несущественно. Он уже завоевал симпатии одного человека из ее окружения, для первого раза этого было достаточно.

– Мадемуаз... Миссис Уолтергейм согласилась переговорить с вами. – Голос мисс Преджиде прерывался от радости и волнения.

– Спасибо. – Морис постарался сдержать восторг.

Достопочтенному члену Дублинского Общества Любителей Древностей не годится вопить, словно мальчишке. Но оговорки в речи этой милой дамы поистине великолепны. Неужели она не догадывается, что выдает свою хозяйку с головой?

– Алло, я слушаю вас, – раздался в трубке другой голос, и Морису стало некогда размышлять о переменчивости женского характера.

Голос Флер Конде был очень низким, с хриплыми чувственными нотками. Она говорила медленно, с явным иностранным акцентом, правда, несколько иным, чем мисс Преджиде, но это ни в коей мере не умаляло красоты звучания ее речи.

– Простите, что беспокою вас, миссис Уолтергейм, но я хотел бы...

– Все в порядке. Если бы вы беспокоили меня, я бы не взяла трубку.

Мориса прервали с настоящей королевской бесцеремонностью. Эта женщина привыкла повелевать, это чувствовалось и в манере разговора, и в интонации, и в словах. Да, орешек будет покрепче, чем мисс Преджиде, подумал Морис с азартом. Задание Роббера, казавшееся таким скучным и бессмысленным, стало ему нравиться.

– Я представитель Дублинского Общества Любителей Древностей...

– Преджиде уже сказала мне об этом.

Манера этой женщины граничит с невежливостью! Морис нахмурился и решил перейти в атаку. Хватит бархата и меда, пора побряцать сталью.

– Значит, вы согласны на мое предложение? – довольно агрессивно спросил он.

На том конце послышался серебристый смех. Мориса внезапно прошиб холодный пот. Эта женщина словно играет с ним!

– Что смешного в моих словах?

– Простите. Я не совсем поняла, о чем речь, но ваша скорость мне нравится. Я люблю быстрых мужчин.

Это было настолько неожиданно, что Морис позорно закашлялся.

– То есть, вы согласны?

Он быстро пришел в себя после секундной заминки. Очарование ее голоса бесспорно, но Морис решил не терять времени даром. Эта покорительница мужских сердец считает, что может справиться с любым? Естественно, все указывает на это. Резкая смена темы, волнующая откровенность, эротизм в голосе... Вот пусть и попытает свои силы на нем. А он тем временем выполнит задание Роббера, и обе стороны будут довольны.

– Смотря на что... – В голосе Флер прозвучал откровенный намек, призыв, но Морис не посчитал нужным откликнуться на него.

Я с тобой не собираюсь играть в эти игры, мелькнуло у него в голове.

– Я бы хотел встретиться с вами, показать вам наши замечательные экспонаты и послушать о ваших драгоценностях. С вашего позволения я бы сфотографировал их и внес бы в наш каталог...

И тут до Мориса впервые дошло, что его идея с дублинским обществом любителей древностей была далеко не самой лучшей. Любой здравомыслящий человек сразу поймет, что здесь дело нечисто.

– А если у меня нет древних драгоценностей? – весело спросила Флер, отбросив на секунду томность.

Морис расстроено цокнул языком. Вот и первый здравомыслящий человек.

– Но меня надежно проинформировали, миссис Уолтергейт, что...

– Не Уолтергейт, а Уолтергейм, – ледяным тоном поправила его Флер. – Давайте начистоту, мистер Шеннон. Кто вы такой и что вам от меня надо? И не вздумайте вновь заводить эту историю насчет древностей.

Морис только диву давался. В мгновение ока его собеседница из интригующей соблазнительницы превратилась в грозного судью. Она не спрашивала, она требовала, и не подчиниться этому голосу было невозможно.

– Я бы хотел взять у вас интервью, мадемуазель Конде, – честно признался Морис, поняв, что с играми пора завязывать.

Флер помолчала. Морис затаил дыхание.

– Вы журналист? – спросила она.

Можно было вздохнуть с облегчением. Она не стала ни отпираться, ни возмущаться.

– Да. Ежедневная газета Даблин Ньюсуик.

– Дурацкое название.

– Не более, чем остальные.

Снова молчание.

– Откуда вы про меня узнали?

Голос Флер был напряжен, и Морис невольно пожалел ее. Ведь недаром она старалась скрыть свое настоящее имя... Снова он с отвращением вспомнил о Роббере. Послать его, Мориса Шеннона, заниматься этим гадким делом! Подслушивать и выпытывать...

– Я бы предпочел не раскрывать свой источник, – вежливо ответил Морис. – Но смею вас уверить, что больше об этом никому в Дублине неизвестно.

Он отнюдь не был в этом уверен, но что еще он мог сказать?

– О чем вы хотите меня спросить?

Морис замялся. Он знал, как брать интервью у политиков и адвокатов, преступников и обывателей, но о чем беседовать со светской львицей... Этим занимались другие сотрудники Даблин Ньюсуик, и Морис пожалел, что не сообразил обратиться к ним за советом. Например, Терри Ллойд в два счета набросал бы ему план интервью. Терри славился своим умением найти общий язык с любой капризной звездой!

– Я еще точно не знаю...

– Не знаете? – с издевкой спросила Флер. – Хорошенькое дело.

– Я соображу на месте, – буркнул Морис.

Самая странная беседа из всех, что когда-либо были в его жизни, а уж он немало повидал странностей!

– Почему же вас послали охотиться за мной? – продолжала неумолимая Флер. – Неужели не нашлось никого поопытнее?

Она откровенно смеялась над ним, и акцент в ее речи стал еще заметнее.

– Я не занимаюсь светской хроникой, зато специализируюсь в добывании информации, – запальчиво выдал Морис и тут же пожалел об этом.

– Самое подходящее занятие для газетного писателя, – уничижительно произнесла Флер.

Морис чувствовал, что теряет контроль над собой. Эта дама издевается над ним самым бессовестным образом. В любой другой ситуации, там, где от его хладнокровия зависела судьба важных материалов, он никогда не терял головы. Но сейчас терпеть насмешки... ради чего?

– Я же не называю вас пошлой актриской, хотя кто знает, что я о вас думаю? – грубовато парировал он. – Почему же вы позволяете себе оскорблять меня?

– О-ля-ля, – протянула Флер, – вот так ирландские джентльмены...

Краска бросилась Морису в лицо.

– Простите, я увлекся нашей очаровательной перепалкой, – выдавил он из себя.

Ответ Флер снова заставил его потерять контроль над собой.

– Я согласна встретиться с вами, – заявила она. – Приходите завтра сюда к четырем часам. Я предупрежу, чтобы вас беспрепятственно пустили.

И прежде чем Морис успел что-либо сказать, она повесила трубку.

Вот дрянь, выругался он вслух. Величайшая актриса современности! Тьфу!

Морис встал из-за стола. Хорошо, что его рабочее место отделено перегородками от остальных, и никто из сотрудников не слышал его разговор с Флер Конде. Значит, он может представить им любую версию и выставить себя в самом выгодном свете. Нельзя сказать, чтобы тщеславие Мориса было непомерно раздуто, но кому понравится, когда над ним в глаза смеются?

Морис вышел в главный зал и направился к столу Люси Стивенс.

– Передай Робберу, что завтра в четыре я встречаюсь с Флер Конде, – небрежно бросил он.

Люси вспыхнула.

– Ты с ней говорил?

– Только что.

– И она сразу согласилась встретиться с тобой?

– Не сразу, – хмыкнул Морис. – Но у меня нашлись веские аргументы.

Он и сам не понял, почему Флер внезапно сменила гнев на милость и предложила встретиться.

– Класс... Морис, ты чудо... – Люси смотрела на него глазами, полными собачьей преданности. – Только у тебя могло такое получиться. Ни один журналист не брал у нее интервью в течение пяти лет!

Люси молитвенно сложила руки на груди. Она выглядела сейчас необыкновенно хорошенькой, и Морис впервые с удивлением заметил, что мисс Стивенс, пожалуй, самая привлекательная девушка Даблин Ньюсуик. Эти большие голубые глаза, пухлые соблазнительные губки. Фигура, правда, немного полновата, но идеальных людей не бывает... В этой Люси Стивенс определенно что-то есть.

– Кстати, Люси, – Морис чуть наклонился к девушке. – Давно хотел спросить тебя, почему бы нам не поужинать вместе как-нибудь? В итальянском ресторанчике прекрасная пицца, или, если хочешь, можно заглянуть в кабачок дядюшки Тилля, там чудесно готовят мясо.

Люси покраснела от удовольствия.

– Это было бы здорово, Морис...

– Тогда как насчет сегодня?

Люси кивнула.

– У тебя есть несколько часов, чтобы решить, куда ты хочешь пойти, – Морис беззаботно улыбнулся и пошел к себе, оставив Люси наедине со своими мыслями.

Восторг мисс Стивенс не поддавался описанию. Подумать только, сам Морис Шеннон пригласил ее поужинать!

Морис догадывался, что многие женщины находят его привлекательным и отнюдь не прочь завлечь его в свои сети, однако ему всегда удавалось достойно избегать расставленных ловушек. Смыслом его жизни были отнюдь не любовь и хорошенькие женщины, а работа. Когда Мориса упрекали в том, что он слишком мало чувствует и слишком много думает, он отвечал с неизменной улыбкой, что таковым его сотворила природа, и что жизнь его подчинена велению разума, а не сердца.

Дамы находили это обстоятельство весьма досадным. Они не отдавали себе отчет в том, что привлекательность Шеннона лишь увеличивалась благодаря его небрежному отношению. Каждая красотка грезилась о том, что именно у нее получится приручить хищника и насладиться его обожанием и покорностью. О том, что же делать с ним дальше, ни одна не задумывалась всерьез.

Морис же с насмешкой взирал на их попытки, считая все это мышинной возней. Хотя поужинать с Люси, конечно, будет очень приятно...

4

Ровно без пятнадцати четыре Морис вошел в отель Меррион. Настроение было радужным, одежда безупречной. В руках он сжимал небольшой букет из фиалок, чтобы смягчить в кокетке дракона и пробудить в актрисе женщину. Причин сомневаться в собственной неотразимости у него не было. Вчера мисс Люси Стивенс вполне наглядно доказала, что перед Морисом Шенноном не устоять ни одной женщине. Если, конечно, он этого захочет.

– Я Морис Шеннон, миссис Уолтергейм ожидает меня, – сказал он немолодому мужчине за стойкой с ключами.

Тот сделал знак рукой, и к ним подошел тщедушный мальчик в ливрее.

– Джимми, проводи мистера Шеннона наверх.

Мальчик кивнул головой и без слов пошел вперед. Морису оставалось лишь удивляться тому, как здесь все было налажено. Если бы у нас также слушались Роббера, беспорядка было бы гораздо меньше, хихикнул он про себя.

В лифте было огромное зеркало, и Морис не удержался и окинул себя пристрастным взглядом. Нельзя опозориться перед этой Флер Конде...

Из зеркала на него смотрел великолепно одетый мужчина в дорогом твидовом пиджаке, одолженном вчера у приятеля, и рубашке в тон. Морис стремился создать образ этакой элитной небрежности, вольготной элегантности, и ему показалось, что он вполне справился с задачей. Он чуть взерошил густые темные волосы, отчего его лицо приобрело задорное мальчишеское выражение.

Я, конечно, не красавец, заключил он про себя, но женщинам нравлюсь. Не думаю, что между этой Флер Конде и Люси Стивенс большая разница. Все они из одного теста сделаны.

– Вам сюда, – буркнул Джимми. – По коридору направо. Двести пятый номер.

Морису захотелось дать невежливому юнцу подзатыльник, но вспомнив, как он вертелся в лифте перед зеркалом, передумал. Мало ли что думает о нем этот Джимми!

– Держи, это тебе. – Морис протянул мальчику мелкую монету.

Тот взял ее с достоинством и сунул в карман ливреи.

– Удачи вам, – неожиданно сказал он и скрылся в лифте, прежде чем Морис пришел в себя.

Забавный мальчуган, улыбнулся он, но вскоре все мысли о маленьком коридорном вылетели у него из головы. Перед ним была великолепная дверь из темного дуба, и Морис с трудом мог представить себе, какой красоты номер скрывается за ней, и сколько все это может стоить.

Он закрыл и открыл глаза, вздохнул поглубже, тряхнул волосами и решительно постучал. Морис Шеннон был готов к бою.

Дверь открыли не сразу. Вначале послышалась какая-то возня, беготня, и даже звук падающих стульев. Морису стало смешно, и он постучал еще раз. Вскоре раздались шаги, щелкнул замок и...

Морис понял с первого взгляда, что перед ним не Флер Конде. Конечно, он и не рассчитывал, что она лично откроет ему дверь, но все-таки разочарование было слишком сильным. Его небрежная поза и обаятельная улыбка пропали втуне.

Перед ним стояла невысокая рыжеволосая молодая женщина. Ее глаза сурово смотрели на него сквозь толстые стекла очков, толстый слой пудры на лице ясно указывал на то, что она всеми правдами и неправдами старается скрыть дефекты кожи. Мешковатый свитер и потрепанные джинсы тоже не особенно красили ее. Впрочем, женщину легко можно было бы назвать миловидной, если бы не нахмуренный лоб и поджатые губы, изрядно портившие ее.

– Я Морис Шеннон, – представился Морис. – А вы, наверное, мисс Преджиде. Помните, мы с вами разговаривали вчера?

– Я не мисс Преджиде, – на удивление тихо и робко сказала женщина. Нежный голос совсем не вязался с хмурым выражением лица. – Проходите.

Она отступила в сторону, пропуская Шеннона. Ничего не понимающий Морис шагнул вперед.

– Миссис Уолтергейм пригласила меня сегодня, – начал он, чувствуя, что женщина не собирается ничего говорить. – Она не предупреждала вас?

Он не был уверен в том, что незнакомка в курсе инкогнито Флер. Может быть, это просто горничная, убирающая в номере. Хотя для горничной женщина вела себя слишком свободно, да и одета была совсем не в униформу. Но кто знает, какие порядки в этом отеле?

– Флер нет дома, – сказала женщина легкомысленно, не обращая внимания на деликатность Мориса. – А про вас она мне говорила.

– Нет дома? – удивился Морис. – Однако она точно сказала мне прийти в четыре.

Он чувствовал досаду. То-то она так быстро согласилась на встречу. Коварная дамочка попросту посмеялась над любопытным журналистом!

– Ох, от Флер и не такого можно ожидать, – вздохнула женщина. – Я ее сестра, Фрэнсис Ритц.

И она протянула Морису маленькую крепкую руку. Он машинально пожал ее. Сестра? Какой неожиданный поворот... и какой удачный!

– Впервые слышу, что у Флер Конде есть сестра, – сказал он откровенно, оглядывая Фрэнсис с ног до головы.

– Не сомневаюсь, что вы еще массу всего не знаете о Флер, – усмехнулась Фрэнсис.

Морис ощутил приятный холодок азарта. Это был настоящий подарок судьбы. Милая девушка Фрэнсис Ритц, кажется, совсем не собирается поддерживать инкогнито Флер. И наверняка она окажется намного разговорчивее, чем ее томная сестрица.

– Это вам. – Морис протянул ей цветы. – Я принес их для Флер, но...

– Спасибо. – Фрэнсис явно смутилась, но цветы взяла и принялась мять их в руках. – М-может быть, вы подождете? Вдруг Флер скоро вернется...

Уже одно ее заикание свидетельствовало о том, что она сама отнюдь не уверена в том, что Флер придет в ближайшее время. Однако желание задержать его порадовало Мориса. Оно как нельзя лучше соответствовало смелому плану, зародившемуся у него только что.

– А я вам не помешаю?

– Нет, что вы. – Лицо Фрэнсис вспыхнуло от удовольствия. – К нам так редко кто-нибудь приходит. Я буду очень рада... Не хотите чаю?

– Вы так любезны... Это было бы замечательно.

Фрэнсис упорхнула из комнаты, и Морис услышал, как она гремит посудой в соседнем помещении. Он воспользовался одиночеством, чтобы как следует оглядеться вокруг.

Гостиную можно было бы назвать уютной и дорого обставленной, если бы не бестолковое нагромождение всевозможной мебели и безделушек. Повсюду валялись многочисленные подушечки, стояли напольные вазы с цветами и яркие торшеры, изящные статуэтки виднелись в самых неожиданных местах. У Мориса создалось впечатление, что кто-то намеренно захламил эту комнату, так как в расстановке предметов не было ни красоты, ни логики.

Хотел бы я посмотреть на спальню Флер Конде, задумался он. Неужели там тоже бардак?

– Я заварила зеленый чай с жасмином. Надеюсь, вы не против?

В гостиную вошла Фрэнсис, толкая перед собой небольшой столик на колесиках, заставленный расписной глиняной посудой.

– Позвольте, я помогу вам.

Она беспрекословно уступила ему свое место, и Морис довез столик до дивана.

– Я очень люблю зеленый чай, – признался он, не к месту вспоминая наставления отца-католика, что ложь – один из самых страшных грехов.

Ничего, одним враньем больше, одним меньше, не беда, отмахнулся он от совести.

– Я тоже обожаю его, – прошептала Фрэнсис и принялась разливать чай в крошечные глиняные чашечки.

Морис следил за ее проворными движениями. Интересно, как часто ей приходится готовить чай для гостей сестры? И как вообще живет эта девушка в тени своей знаменитой родственницы?

– Вы все время живете с Флер? – спросил он, отхлебнув подозрительный напиток зеленовато-коричневого цвета. – Простите мое любопытство, мисс Ритц, но я никогда не слышал о сестре Флер. А я очень много читал о мадемуазель Конде.

Фрэнсис чуть улыбнулась, и Мориса поразила перемена, произошедшая с ее лицом. Она стала почти хорошенькой. Вот если бы еще очки снять и прическу поменять, невольно подумал он, и Фрэнсис Ритц могла бы считаться весьма привлекательной женщиной.

– Я сводная сестра Флер, – пояснила она непринужденно. – Наверное, она не считала нужным упоминать о моем существовании. Ведь Флер всегда действует так, как ей удобно. К тому же, я живу у нее только несколько месяцев в году, так что...

– Вы не особенно жалуете свою сестру? – вырвалось у Мориса.

– Я *люблю* Флер. – Фрэнсис снова поджала губы и в мгновение ока превратилась в ту суровую даму, которая открывала Морису дверь.

– Простите, мисс Ритц, я не хотел вас обидеть, – поправился Морис.

– Ах, называйте меня просто Фрэнсис, пожалуйста, – оттаяла она. – Я чувствую себя ужасно старой, когда ко мне обращаются мисс Ритц. Да и Флер пришла бы в ужас, если бы вдруг услышала, что кто-то произносит вслух ее настоящую фамилию.

Морис почувствовал сенсацию.

– Значит, Конде – это сценический псевдоним? – как можно небрежнее спросил он.

– Естественно. Флер решила, что громкое имя не помешает. Вы даже не представляете себе, как ухватились газетчики за эту фамилию, – глаза Фрэнсис лукаво блеснули. – Несколько месяцев они серьезно обсуждали, не течет ли в жилах Флер королевская кровь. Конде – фамилия французских принцев...

– Я читал об этом, – вежливо прервал Морис ее излияния. – Но неужели никто так и не раскрыл секрета Флер? Ведь она привлекала столько внимания...

– Нет, – покачала головой Фрэнсис. – Она прилагала массу усилий, чтобы скрывать правду ото всех. Эти журналисты гонялись за ней повсюду.

В голосе Фрэнсис послышалось явное осуждение, и Морис невольно напрягся. Пожалуй, ему не стоит упоминать о том, что Флер пригласила его сюда, чтобы дать интервью. Мисс Ритц может пожалеть о своей разговорчивости, если узнает, что он один из презираемых ею журналистов. И вряд ли пожелает продолжить эту очаровательную и поучительную беседу.

– Безобразие, – сочувственно вздохнул Морис. – Никуда не скроешься от людского любопытства. Терпеть не могу желтую прессу.

– Я тоже. Но, правда, я не могу сказать, что Флер это не нравилось, – протянула Фрэнсис. – Она очень переживала, когда в газетах не появлялось о ней никаких статей в течение нескольких дней.

Надо думать, хмыкнул про себя Морис. Наверняка очаровательная мадемуазель Конде сама придумывала половину событий из своей жизни, лишь бы только привлечь внимание репортеров.

– Но вы не должны судить Флер слишком строго. – Фрэнсис неожиданно посерьезнела. – Она очень милая.

– Я в этом не сомневаюсь. Раз так говорите *вы*...

Фрэнсис покраснела, и Морис спросил себя, не слишком ли он торопится. Мисс Ритц явно не избалована мужским вниманием, он может возбудить подозрение, если начнет осыпать ее преждевременными комплиментами.

– Вы очень добры.

По тону Фрэнсис нельзя было понять, что она чувствует в данный момент, и Морис решил впредь вести себя осторожнее. Настоящая сенсация плывет ему в руки, он будет дураком, если упустит ее!

– Ваш чай изумительно вкусный, – произнес он через пару секунд. – Могу я попросить еще чашечку?

Расчет был верен. Напудренное лицо Фрэнсис радостно вспыхнуло, и она потянулась к чайничку, чтобы налить Морису новую порцию горького напитка.

Морис храбро сделал глоток и причмокнул. Фрэнсис благодарно улыбнулась. Она так явно хотела угодить ему, что Морису стало немного неловко.

– Ваша сестра, должно быть, счастлива, что вы живете с ней и заботитесь о ней, – ловко заметил он, осторожно упоминая о Флер. – Ведь вы же сами ведете хозяйство?

– Конечно. Флер никогда не обладала способностями в этой области, – с гордостью ответила Фрэнсис. – Ей было не до того...

Легкая зависть послышалась в голосе Фрэнсис. Морис почуял след. Несмотря на то, что Фрэнсис говорит, что очень любит Флер, она не может не чувствовать собственную ущербность.

– Но я не сомневаюсь, что вы в своем деле добились не меньших успехов, чем она на сцене, – льстиво произнес он, надеясь вызвать поток откровений.

– Ах, разве можно нас сравнивать, – горько вздохнула Фрэнсис. – Она такая красивая, такая талантливая, известная, а я... От нее все без ума, а я всю жизнь играла роль простой статистки. Флер Конде – поэзия, песня, танец, а я – скучная проза. Да и куда мне...

Фрэнсис небрежно провела рукой по волосам. Если бы вы больше уделяли внимания своей внешности, то выглядели бы намного лучше, чуть не брякнул Морис. Но решил повременить с нравоучениями. Мисс Ритц уже большая девочка, и может сама сообразить, что к чему.

– Мне кажется, вы зря приносите себя в жертву, – твердо сказал он и поставил чашку на столик. – Флер Конде, бесспорно, великая актриса, но вы тоже имеете право на собственную жизнь, на счастье, в конце концов...

– Правда? – глаза Фрэнсис за стеклами очком подозрительно заблестели. Она тоже опустила свою чашку и как-то подалась в сторону Мориса.

Стоп, сказал Шеннон себе немедленно. Еще не хватало устроить здесь сцену соблазнения несчастной сестрички. *Это* в мои планы никак не входит, и Роббер не вправе требовать от меня такой жертвы.

– К-конечно, – пробормотал Морис, хватая спасительную чашку. – Добавьте мне, пожалуйста, еще.

Фрэнсис кротко улыбнулась и взяла чайник. Минутное напряжение спало.

– Уже пять... – Морис бросил взгляд на наручные часы. – Флер не говорила вам, когда вернется?

– Н-нет. – Фрэнсис выглядела смущенной, и Морис заподозрил неладное.

– В чем дело, Фрэнсис? – спросил он добродушно. – Она предупреждала вас о моем визите?

– Да, конечно, но... – Фрэнсис отвела глаза.

Эта внезапная застенчивость умиляла до глубины души. Морис чуял неладное, но не мог заставить себя рассердиться. В конце концов, вряд ли вина мисс Ритц велика...

– Вы можете быть со мной откровенны, Фрэнсис, – улыбнулся он поощрительно.

– Понимаете, Флер сказала, что придет какой-то джентльмен из Общества Любителей Древностей, но ей неожиданно взбрело в голову купить себе новую шляпку, и они с Гортензией, это мисс Преджиде, отправились по модным магазинам...

Морис выругался про себя. Этого следовало ожидать. Флер Конде намеренно надула его!

– Пожалуйста, не сердитесь, – испуганно произнесла Фрэнсис.

Морис взял себя в руки. Эта бедняжка ни в чем не виновата.

– Мне следовало сразу сказать вам об этом, но мне было так стыдно за Флер, – пробормотала Фрэнсис. – И потом, я раньше очень интересовалась археологией, и я подумала... может быть, я помогу вам и...

Больше ничего разобрать он не мог. Пунцовая Фрэнсис продолжала лепетать слова оправдания, а Морис лихорадочно соображал. Мадемуазель Конде считает себя умнее других, не так ли? А он еще удивлялся, как быстро она согласилась встретиться с ним! На самом деле Флер и не собиралась давать интервью, подбросив ему вместо себя свою затюканную сестричку. Но она еще пожалеет об этом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.